

Евгений Голубовский

Увлечение как биография

Сколько раз каждый из нас писал автобиографии... Родился. Учился. Работал...

А о чем думал? Чем жил?

Вот один из вариантов ответа – о смысле содеянного, о том, как суету сует хотя бы для себя структурировать.

Ну и что, что на этот ответ понадобились восемьдесят лет.

Не приемлю слово «коллекция» по отношению к книгам. Коллекционируют почтовые марки, монеты, открытки... Книжки собирают, так возникает собрание твоих друзей, с которыми ты общаешься, в которых находишь собеседников, в конце концов, поддержку в трудные часы.

Сегодня я могу сказать, что за полвека сложилось мое собрание русской поэзии XX века, есть книги с автографами, есть просто очень редкие книги. А начиналось собрание, по сути, еще в школе – в десятом классе. Я ходил по улицам Одессы и бормотал про себя строки раннего Маяковского – «Лиличке, вместо письма...». Мне казалось, что я все знаю о любви поэта, о трагедиях поэта, о его друзьях и врагах. Но меня уже не устраивали бесчисленные советские переиздания, где даже лирика была цензурирована. И я начал заходить в букинистические магазины (тогда их в Одессе было несколько!) в поисках первых сборников Маяковского, тех, что он выпускал, редактировал сам. Так началось увлечение футуризмом, которое пронес через долгую жизнь, так втянулся в чтение, осмысление Велимира Хлебникова (его вообще в послевоенные годы не издавали), затем пришла пора вздохнуть читать, бормотать Бориса Пастернака...

Кстати, первой «самиздатовской» книгой, которую мы сделали с моей подружкой Мусей Винер, был томик стихов Пастернака. Шел 1958 год, еще не было сообщений о присуждении Борису Леонидовичу Нобелевской премии, еще не был прочитан нами «Доктор Живаго», но стихи из романа мне удалось получить в Москве (не только те, что были опубликованы в журнале «Знамя», но весь корпус). Тогда и возникла мысль, хоть в пяти экземплярах (больше не удавалось зарядить в пишмашинку) сделать для друзей книгу Б. Пастернака, как из новых стихов, так и из старых книг из моего собрания.

Естественно, начавшаяся с футуристической поэзии, библиотека росла. Как было пройти мимо русского акмеизма – Н. Гумилева, А. Ахматовой, О. Мандельштама? А потом в круг интересов вошли русские символисты, начиная с первой книги Александра Блока «Стихи о Прекрасной даме», изданной в 1905 году. По сути, сегодня это начало собрания, а завершает его Иосиф Бродский, все прижизненные сборники которого удалось найти, включая первый, изданный в США, когда поэт был в ссылке.

Постепенно поэзия обрастала и прозой. Как можно представить Андрея Белого без романов «Петербург», «Серебряный голубь»? Андрей Платонов вошел в литературу книжкой стихов, но остался в ней прозаиком. Илья Эренбург, прежде всего, считал себя поэтом, но без «Хулио Хуренито» русскую литературу уже не представить.

Я мог бы рассказать о самых редких книгах в своем собрании. И это была бы одна статья. Там нашлось бы место и литографированным книжкам А. Крученых, и ежемесячному журналу стихов «Остров» № 1 (на этом журнал и закончился), изданному в 1907 году тиражом в 30 экземпляров со стихами Макса Волошина, Вячеслава Иванова, Григория Потемкина, Алексея Н. Толстого... В мой экземпляр вклеен листик: «Редакция: Царское село, Бульварная улица, дом Георгиевского. Н.С. Гумилев».

Я мог бы рассказать о книгах с автографами. Только один пример. На первом сборнике Николая Асеева «Ночная флейта», вышедшем в Москве в 1914 году, дарственная надпись: «И.В. Игнатьеву – Ник. Асеев. 914.1.15. Moscou». Трагизм этой надписи ощущаешь лишь тогда, когда знаешь, что лидер эгофутуристов,

поэт Иван Игнатъев покончил с собой через пять дней после получения книги. Игнатъеву было 22 года, за день до того, как он перерезал себе бритвой горло, он женился.

Вообще, держать в руках книгу с автографом – все равно что обменяться рукопожатием. Маяковский надписал «Мистерию-буфф» Мейерхольду, я ощущаю их присутствие в своем доме, Николай Гумилев подарил поэму «Мик» Всеволоду Рождественскому, Иван Бунин надписал «Жизнь Арсеньева» журналисту С.В. Яблоновскому... Теперь я знаю, когда, как, почему это произошло. Это и моя биография. А книги, надписанные мне? Череду встреч, общений – Виктор Шкловский и Семен Липкин, Николай Ушаков и Леонид Вышеславский, Борис Слуцкий и Всеволод Азаров, Григорий Петников и Рюрик Ивнев, Андрей Вознесенский и Белла Ахмадулина, Василий Аксенов и Руфь Зернова...

Можно было бы рассказать и несколько «детективных» историй об охоте за той или иной книгой, представить такую своеобразную «андриковщину», к примеру, как собирались книги одесского издательства «Омфалос», как переписывался с поэтом Зинаидой Шишовой в желании разгадать тайны псевдонимов авторов, составивших сборник-мистификацию «Омфалитический Олимп»...

Недавно меня попросили посмотреть на мое собрание книг в неожиданном аспекте. Невозможно себе представить собрание русской поэзии и прозы без... еврейской полки. Большая она или маленькая, судить тем, кто любит стихи Осипа Мандельштама и Бориса Пастернака, Саши Черного и Эдуарда Багрицкого, прозу Исаака Бабеля и Василия Гроссмана... И вдруг убедился, что оно не только представительное, но и продуктивное, так как побуждало и побуждает к издательской деятельности, к счастью, уже не самиздатской.

Естественно, в стеллажах книги стоят не по алфавиту. Но если бы разложить их от А до Я...

Марк Алданов. «Святая Елена. Маленький остров». Берлин. Издательство «Слово». 1926 год. На авантитуле автограф, обращенный к писателю, многолетнему редактору газеты «Новое русское слово» в Нью-Йорке Андрею Седых (Якову Моисеевичу Цвибаку): «С самым сердечным приветом Вам, дорогой Яков

Моисеевич, от автора». М. Алданов после перестройки начал издаваться в России, вышло его собрание сочинений. Но родился Марк Александрович Ландау (Алданов – псевдоним) в 1886 году в Киеве, окончил два факультета – юридический и химический, стал блестящим стилистом, автором исторических эссе и романов. Его прозой восхищались Иван Бунин и Владимир Набоков. Может, придет время, когда киевлянина Марка Алданова начнут издавать и в Украине. Кстати, его эссе о Дюке де Ришелье, блестяще написанное, могло бы украсить любое издание, посвященное истории Одессы.

Джек Алтаузен. «Безусый энтузиаст. Элегическая поэма». Москва. 1933 год. Обложка и рисунки Бориса Пророкова, ставшего в 60-е годы очень популярным графиком. На книге автограф: «Тов. Бойчевскому – усатому энтузиасту литературы. Джек Алтаузен. 22.11.33 года». Почти по М. Светлову можно спросить: «Откуда у парня испанская грусть?». Откуда у Алтаузена экзотическое имя Джек?

В действительности он Яков Моисеевич, но, попав мальчишкой в Харбин, став продавцом газет, приобрел кличку Джек. С нею и перебрался в 20-е годы на Дальний Восток. Его стихи заметил В. Маяковский, поддержал Э. Багрицкий. В 1941 году ушел на Великую Отечественную войну. Первым среди советских поэтов был награжден орденом Красного Знамени. Погиб 25 мая 1942 года под Харьковом, участвуя в неудавшемся наступлении в районе Изюм – Барвенково – Лозовая. И вновь-таки стихи Джека Алтаузена после Великой Отечественной вышли в России, тогда еще Советском Союзе, в Украине, где он погиб, стихи его не переиздавались.

Еврейскую полку, начатую буквой «А», естественно завершить буквой «Я». И тут обращу внимание на раритетную книгу.

Ярошевский Лев. «Песнь песней». Стихотворное переложение библейского текста. Редакция и предисловие Михаила Кузмина. Петроград. 1917 год.

На сегодняшний день стихотворных переложений «Песни песней» существует множество. Но неизменен интерес к первому русскому переложению Абрама Эфроса и второму – Льва Ярошевского. Интересно и то, что в 1919 году, через два года, это

петроградское издание было повторено в Одессе. Но в моей библиотеке одесского издания книги Льва Ярошевского, увы, нет.

Человек собирает книги, книга собирает человека. Это именно так. Книга воспитывает вкус, определяет род занятий, в конце концов, побуждает к действию.

В шестидесятые годы я прочитал роман Владимира Жаботинского «Пятеро». И буквально влюбился в эту нежную эмоциональную книгу. О том, чтобы издать ее в Одессе, речь тогда не могла идти. Хотелось иметь хотя бы ее экземпляр в своей библиотеке. Тем более что у меня был том стихов и поэм Хаима-Нахмана Бялика в переводе Жаботинского. Позднее попало издание «Пятеро», выпущенное в Израиле в библиотеке «Алия», не было возможности сравнить ее с парижским изданием 1936 года (мне давали когда-то книгу на одни сутки), но не мог избавиться от ощущения, что в израильском издании что-то не так, изменился ритм. И вот наконец парижский журналист Виталий Амурский нашел для меня изданный в Париже томик «Пятеро» с иллюстрациями одесского художника MAD'a. Это было в конце восьмидесятых, во времена перестройки. Время возвращения в нашу жизнь замечательных книг, украденных у нас советской властью. И вот уже в 2000 году в одесском издательстве «Друк» вышел том «Пятеро», подготовленный мной, где текст Владимира (Зеева) Жаботинского сопровождался статьями Е. Каракиной, А. Мисюк, А. Розенбойма, Е. Свенцицкой и моей. А затем в том же издательстве я выпустил стихи и поэмы Хаима-Нахмана Бялика в переводе Жаботинского, повторив петроградское издание 1917 года. Третьим томом стали «Стихи и переводы» Владимира Жаботинского, изданные Марком Соколянским и мною. Одесса первую вернула русской литературе произведения своего замечательного земляка.

Так библиотека подсказывает, как воскрешать литературу, возвращать забытое.

Иногда это отдельные книги, иногда публикации в альманахах и сборниках. Я очень обрадовался, что неустанный исследователь литературы XX века Вадим Перельмутер подготовил и издал том стихов и прозы Георгия Шенгели, куда впервые вошла замечательная поэма «Повар базилевса». Но одновременно и огорчился,

что в этот том не вошла стоящая на моей полке книга Г. Шенгели «Еврейские поэмы», изданная в Одессе в 1920 году. Когда-то этот томик подарил мне выдающийся одесский историк и археолог П.С. Карышковский. Как книга в книге вышли «Еврейские поэмы» Г. Шенгели в сборнике Одесского литмузея «Дом князя Гагарина». А недавно я получил письмо от В. Перельмутера о том, что он подготовил новое издание Г. Шенгели, куда включил и этот томик стихов.

Библиотека, собрание книг все время побуждают к созидательной работе, к желанию заполнять лакуны в живой литературе. У меня хранится сборник «Чудо в пустыне», изданный в Одессе в 1917 году, подаренный мне литературоведом профессором А.В. Недзведским. В книге стихи Э. Багрицкого, П. Сторицына, А. Фиолетова (это одесситы), но наряду с ними – В. Маяковский, В. Шершеневич. На книге автограф: «Милому, глубокоуважаемому Скальковскому Ан. Фиолетов. 1917 год, 4 марта».

Замечательные стихи А. Фиолетова, включая знаменитое «О лошадях простого звания», сами требовали переиздания. Но не хватало «малости» – первого сборника стихов А. Фиолетова «Зеленые агаты», не сохранившегося ни в одной из одесских библиотек. Немало прошло времени, мы с Александром Розенбоймом писали и публиковали статьи, запрашивали коллекционеров и в конце концов нашли эту книжечку, проследили биографию Натана Шора (подлинное имя и фамилия Анатолия Фиолетова). В результате родилась книга, изданная в Одессе в 2000 году. Старался не цитировать тексты, но тут не могу не познакомить читателей со стихотворением Фиолетова, которое знали и любили Ахматова, Бунин, Катаев.

О сколько самообладания
У лошадей простого звания,
Не обращающих внимания
На трудности существования!

А ведь с 2000 года нашлись еще неопубликованные стихи Анатолия Фиолетова. Мы с Аленой Яворской ищем мецената для нового издания, вдвое расширенного.

В моем собрании книг несколько сборников стихов Веры Инбер. И самый первый – «Печальное вино», изданный в Париже в 1914 году с иллюстрациями Осипа Цадкина, ставшего впоследствии всемирно знаменитым скульптором. И второй – «Горькая услада», вышедший в Петрограде в 1917 году, на нем автограф «Милым и чудесным Кемперам с любовью Вера Инбер. 26 ноября 1917 года. Москва». Напомню, что В. Кемпер выступал на эстраде под псевдонимом Владимир Коралли (муж Клавдии Шульженко). Но больше всего я люблю третью книгу Веры Инбер, «Бренные слова», вышедшую в Одессе в 1922 году. Именно эту книгу я и вернул читателям, переиздав ее и постаравшись объяснить, что произошло с талантливым поэтом и прозаиком (вспомним ее повесть «Место под солнцем») во второй половине 20-х годов. Ее обуял страх. Закономерный, так как она была двоюродной сестрой Льва Троцкого. Вера Инбер не замолчала. Хуже, она начала петь не своим голосом. Пропал талант.

Естественно, я условно назвал эти книги из своего собрания «еврейской полкой». Но продолжаю смотреть на стеллажи. Вот передо мной книга «У стен Вавилонских». Национальная еврейская лирика в мировой поэзии». Составил Л.Б. Яффе. Издательство «Сафрут». Москва. 1917 год. Здесь библейские стихи К. Бальмонта и И. Бунина, В. Гюго и Г. Гейне, В. Соловьева и А. Майкова в одном ряду со стихами Х.-Н. Бялика и В. Жаботинского.

А вот сборник стихов Леонида Гроссмана «Плеяда», изданный в 1919 году в Одессе. Леонид Гроссман, конечно же, больше известен как прозаик. Но я рад, что и эта книга стихов вошла в сборник Одесского литмузея «Дом князя Гагарина» как книга в книге.

Последнее мое издательское приключение – возвращение в литературу после 50-летнего забвения погибшего на фронте писателя Ефима Зозули. Кто знает, быть может, все началось со стоящего у меня на полке альманаха «Трилистник» за 1922 год, куда входил и рассказ Ефима Зозули. Но, надеюсь, что о вышедшей в издательстве «ПЛАСКЕ» книге Зозули «Мастерская чело- веков» в замечательной серии «Одесская библиотека» (редактор Феликс Кохрихт) будут помнить долгие годы. Это возвращение в литературу прозаика, стоящего в одном ряду с Пильняком и Бабелем, с Платоновым и Булгаковым...

Иногда кажется, что будь у книг голос, они бы громко требовали: «Переиздай меня!».

– Кто крайний в очереди? – как любили когда-то говорить в Одессе.

Может, Петр Моисеевич Пильский, который вывел на литературную сцену Багрицкого, Катаева, Олешу, замечательного эссеиста, издавшего в Риге в 1929 году книгу «Затуманившийся мир». На моем томе владельческая печать писателя Антанаса Венцловы, отца выдающегося поэта Томаса Венцловы, друга Иосифа Бродского.

А может, Юрий Казарновский, попавший в ГУЛАГ еще в 20-е годы, вышедший на год-два, – вот тогда-то, в 1936 году, и была издана его книжка, но в 1937 году автора вновь забрали, сборник уничтожали, где могли. Мой экземпляр с автографом «Сергею Бондарину – в знак дружбы и любви. Ю. Казарновский. 12.36».

Книги побуждают к действию. Действительно собирают человека. А это ведь и есть вечный двигатель, над изобретением которого тысячелетия ломало голову человечество.

Можно было бы расставить эти книги по годам, когда они попадали в мою библиотеку. И это была бы моя автобиография, как и рисунки, акварели, живопись на стенах – от первой миниатюры Олега Соколова, подаренной в 1956 году (мне 20 лет), до рисунка Алика Князика «Мыслитель», подаренного в 2016 году. И это была бы автобиография, куда более эмоциональная, чем черточка между датами.

